

Научная статья

УДК 316.42

doi: 10.22394/2079-1690-2021-1-3-224-230

СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ТРЕХ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Анастасия Александровна Иванова¹, Елизавета Александровна Гринченко²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹a.ivanova2013@rambler.ru

²grinchenko.elizaveta08@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования по проблеме взаимообусловленности исторических событий трех последних десятилетий в оценках научного сообщества. В ходе работы детерминированы противоречия, выявленные посредством общенаучных и собственно-социологических методов, явившиеся триггером в онтогенезе представленной проблематики. Несоответствие желаемого состояния больших и малых социальных групп РФ действительности представлено в виде интерпретации двух аксиоматических дефиниций – «социальная неудовлетворенность 90-х годов XX века в РФ» и «парадигма социально-исторического детерминизма». Это позволило наиболее полно и четко отразить весь спектр сложившихся противоречий и неразрешенных государственных проблем в стране на сегодняшний день. Квинтэссенцией исследования выступает аксиома о том, что социальное самочувствие является одним из конъюнктурообразующих факторов институционально-государственного устройства, отражающее степень и порядок включенности больших и малых социальных групп, а также отдельных личностей, в систему общественных отношений.

Ключевые слова: собственно-социологические методы, взаимообусловленность исторических событий, научное сообщество; социологическое исследование, онтогенез проблематики, социальная неудовлетворенность 90-х годов XX века в РФ, парадигма социально-исторического детерминизма, спектр неразрешенных государственных проблем, социальное самочувствие, конъюктурообразующий фактор

Для цитирования: Иванова А. А., Гринченко Е. А. Социальная трансформация в контексте политико-экономической модернизации трех последних десятилетий: социологический анализ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 3. С. 224–230. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-224-230>.

Sociology Problems

Original article

SOCIAL TRANSFORMATION IN THE CONTEXT OF POLITICAL AND ECONOMIC MODERNIZATION OF THE LAST THREE DECADES: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Anastasia A. Ivanova¹, Elizaveta A. Grinchenko²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹a.ivanova2013@rambler.ru

²grinchenko.elizaveta08@yandex.ru

Abstract. The article presents the results of a sociological study on the problem of the interdependence of historical events of the last three decades in the assessments of the scientific community. In the course of the work, the contradictions identified by means of general scientific and proper sociological methods, which were the trigger in the ontogenesis of the presented problems, are determined. The discrepancy between the desired state of large and small social groups of the Russian Federation and reality is presented in the form of an interpretation of two axiomatic definitions – "social dissatisfaction of the 90s of the XX century in the Russian Federation" and "the paradigm of socio-historical determinism". This made it possible to fully and clearly reflect the entire range of existing contradictions and unresolved state problems in the country today. The quintessence of the research is the axiom that social well-being is one of the conjuncture-forming factors of the institutional and state structure, reflecting the degree and order of inclusion of large and small social groups, as well as individuals, in the system of public relations.

Keywords: system analysis, interdependence of historical events, scientific community, sociological research, ontogenesis of problems, logical analysis, interpretation of axiomatic definitions, spectrum of contradictions

For citation: Ivanova A. A., Grinchenko E. A. Social transformation in the context of political and economic modernization of the last three decades: a sociological analysis. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(3):224–230. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2021-1-3-224-230>.

Анализ исторического опыта, просматриваемого в ретроспективе нашего государства на протяжении трех последних десятилетий, дает основания предполагать, что неустойчивое состояние социальной сферы сегодня, является прямым следствием событий, произошедших в стране в обозначенный период. Рассуждения в рамках теории цикличности позволят нам глубоко проанализировать уже сложившийся опыт РФ в преодолении и разрешении кризисных социальных потрясений, вывести былые ошибки и неудачные политические решения в центр внимания, сопоставить с сегодняшними социальными противоречиями в обществе, исключив возможность повторения. Механизм цикличности как свойство общественно-экономического развития позволяет провести комплексный анализ текущих событий и социально-политической конъюнктуры страны в исторической динамике, давая возможность по-новому взглянуть на происходящие процессы в социуме. Политическое и социокультурное время – это два мощных потока, которые, соединяясь, становятся неиссякаемым источником динамизма цивилизации. Комплементарность социокультурной трансформации РФ экспонирует, что в период политических кризисов общество неизменно обращается к забытым социокультурным традициям, ищет опору в привычных ритмах социокультурного времени, апеллирует к опыту предшествующих поколений [1, с. 277]. Изучая прошлое, воспроизводя предшествующие этапы исторической реальности в процессе разрешения назревших проблем в государстве, важно понимать, что состояние взаимообусловленности социальных систем, сопряжено, прежде всего, генетически. Именно 90-ые годы 20 века РФ стали триггером для социальных катаклизмов, которые оказали непоправимый урон нынешнему состоянию общества. Утверждения о росте социального недовольства служат отправной точкой для характеристики ситуации как «кризисной» и далеко идущих выводов – от вопросов о легитимности власти до прогнозов революционных изменений. В связи с растущей социальной напряженностью, вызванной кризисом легитимности власти, закоренелым общественным устройством, экономическим спадом, отсутствием среднего класса, падением уровня жизни граждан, закрытостью правящей элиты и неспособностью повлиять на иной вектор развития государства за последние годы населению наиболее близко пришлось ощутить произошедший, а главное закономерный глобальный кризис [1, с. 279-281].

Результат разрешения сегодняшних проблем связан с реализацией новых способов устранения социальной нестабильности. И здесь важным видится предотвращение на ранних этапах процесса онтогенеза политического отчуждения, глубокого недоверия, с последующей делегитимизацией властного аппарата и нарастающей апатией, индуцированной политической усталостью граждан. Социологические индикаторы вполне точно замеряют и характеризуют процентное соотношение аполитичных граждан, которые перестают принимать участие в электоральных процессах и политической жизни страны.

Представляется целесообразной детализация противоречий, послуживших катализатором в эскалации исследуемой проблемы, конкретизация причинно-следственной связи:

Во-первых, комплекс неудачных реформ, осуществленных государством и отдельными персоналиями в период 90-х годов XX века в РФ, оставил неизгладимый отпечаток в социальной сфере жизнедеятельности общества и спровоцировал огромное количество психологических проблем. В результате российский гражданин приобрел такие ментальные установки, которые привели к сокращению доверия населения к государству.

Во-вторых, закоренелость и закрытость правящей элиты, функционирование ее в своих личных интересах наглядно демонстрирует отстраненность от сложившегося в государстве социального климата, что приводит к нивелированию роли элит в общественно-политическом устройстве.

В-третьих, менталитет русского человека оказал особое влияние на статику государственных преобразований из-за своей традиционной приверженности к патриархальному типу политической культуры [2].

Показанные выше противоречия позволяют выявить следующую проблему: состояние социальной системы, характеризующееся крайней степенью неудовлетворенности, спровоцированное принятыми политико-властными решениями в 90-ые годы XX века и принявшее бифуркационную стадию развития, нуждается в создании необходимых условий для нормального органического развития и модернизации.

В настоящем исследовании предпринята попытка исследования проблемного поля посредством анализа данных экспертного опроса представителей научного сообщества ЮРИУ РАНХиГС¹.

Данные опроса показали, что, по мнению большинства респондентов, проводимая властями политика зачастую была неэффективна для нашей страны. 22,7 % демонстрируют крайне отрицательное отношение, и в корне не согласны с принимаемыми властями общезначимыми государственными решениями, сомневаясь в их компетентности и целесообразности. Действительно, первые исторические значимые для судьбы страны действия новой российской политической элиты часто выходили далеко за пределы правового поля и общественно-политического консенсуса. Властная политико-правовая асимметрия определила властеобразованную структуру, а не властеобразующую, выразившую не столько интересы социума в системе государственной власти, сколько интересы властного аппарата в общественном строительстве. Аффилированные лица, намеревавшиеся провести ряд качественных реформ для реорганизации государства, принятыми решениями спровоцировали функциональный сбой базисных основ механизма социальных институтов, произошла дисфункция устойчивого комплекса норм [3, с. 158].

Интерпретируя дефиницию «реформа», вполне правомерно будет обратить внимание на существенные признаки дефидента, именно на то, что изменение или преобразование локального общественного сектора, по определению, должно проводиться без нарушения основ существующего государственного строя, не уничтожая основы существующей социальной структуры. Безусловно, страну необходимо было реформировать, пересматривать институциональные основы экономики, но планомерной системной работой, занявшей бы ни одно десятилетие, ведь реформа – постепенное преобразование, но история 90-ых годов обратилась в болезненную «шоковую терапию». Реформы способствовали обнищанию населения, возрастанию левых настроений в обществе и росту численности протестного электората, не репродуцировавших свое доверие властям по настоящее время.

Важно отметить, что при адаптации преобразований всегда заложена специфика институциональной системы общества, структурированной тремя компонентами: формальные правила, конкретизирующиеся нормативно-правовыми актами; неформальные правила в виде социальных норм и предписаний; а также культурные традиции и ценности, утвердившиеся в обществе [4, с. 79]. Хотя культурные нормы, стандарты должного поведения, в соответствии с общепринятыми человеческими ценностями, представляются достаточно устойчивой инерцией, совокупность их нормативной системы, представленная в виде обычаев, традиций, нравов, морали и табу, в представленные нами годы, склонна была модифицироваться под социально-экономическую политику и под «новые стандарты» демократизированной России. Объекты государственных преобразований дали разные импульсы и реакцию на предложенные властями либеральные нововведения. Способы реакции населения на проблему стали разнообразны. Резистентность субъектов к социокультурным изменениям внутренней среды, проявившаяся в форме асоциального и аддиктивного поведения воплотилась в бандитизм, рэкетирство, спекулянтство, мошенничество, алкоголизм, наркоманию [3, с. 159–160]. Де-факто правовые социальные институты оказались не способны обезопасить социально-незащищенные слои населения, пострадавшие от акциональных делинквенций субкультур. Динамика преступности 90-ых свидетельствует о том, что групповой разум индивидов принял форму вооруженного мятежа. Те, кто впал в апатичное состояние, скрыв дефицитарную реакцию, попросту не смогли создать крупную альтернативную коалицию, оказав сопротивление насилию подавляющего большинства.

Оценка преступности научным сообществом приобрела противоречивый характер. Так, на вопрос «Как Вы оцениваете уровень преступности в 90-ые годы XX века в РФ?» ни один респондент не согласился, что уровень преступности был невысок, а значение данной категории преувеличено для формирования определенного отношения у граждан к органам власти, функционирующих в те годы. Самым популярным суждением стало то, что уровень преступности достиг колоссальных значений в 90-ые годы из-за дисфункции института власти, несостоятельности НПА, а также низкой

¹ Сбор первичной социологической информации осуществлялся с помощью социологической анкеты «Взаимообусловленность исторических событий трех последних десятилетий в оценках научного сообщества». Было опрошено 75 респондентов, входящих в профессорско-преподавательский состав ЮРИУ РАНХиГС, имеющих соответствующую ученую степень и ученое звание. В процентных долях, группа респондентов градировалась: по ученой степени – (66,7 % - кандидаты наук и 33,2% - доктора наук), по ученому званию – (72% доцентов и 27,9% профессоров). Формулировки вопросов и варианты ответов изложены в редакции, предложенной респондентам. Данные приведены в процентах от реального количества ответов.

управленческой компетентности представителей гос. аппарата [5, с. 145]. Так считают 37,3 % опрошенных. Вероятно, это связано с тем, что валидная информация о происходящих событиях в государстве в 90-ые годы в массы поступала в строго отмеренном объеме от публичной информации, освещая, зачастую, лишь положительные модификации государственных преобразований, а также характерной ей общественной жизнедеятельности. С этим согласился практически каждый второй из опрошенных экспертов.

Доказано, что характер девиантного поведения зависит от социальной реакции на его носителя. В рамках настоящего исследования, социальная реакция была вызвана комплексом радикальных экономических реформ – «шоковой терапией». В этой связи интерес экспертного сообщества вызвало социальное самочувствие в доперестроечный период, до либерализации всех сфер общества. Так, более 50% экспертов характеризовали состояние социальной системы как стабильное, связывая это с ощущением уверенности в завтрашнем дне и институциональным порядком в государстве, а так же особой заботой к институтам культуры, образования, науки. Проблемными фазами развития советского общества были отмечены политико-экономическая стагнация: командно-административный тип экономики во многом мешал интенсивному экономическому развитию – 29,3%; остро ощущалась закрытость правящей политической элиты – 24%. Отсюда следует, что до «Перестройки» мировоззренческие ценности населения зиждились на единой идеологической основе, и в культурном плане жить было гораздо интереснее. Вместе с крепкими идеологическими основами жизни, чувством патриотизма и национального единства, сопричастности и вовлеченности советского человека в строительство социального государства, политика которого была направлена на перераспределение материальных благ в соответствии с принципом социальной справедливости, сглаживания социального неравенства и помощи нуждающимся, политико-экономическую сферу жизнедеятельности ученые находят несовершенной [3, с. 147].

Неэффективная экономическая модель, не отвечавшая потребностям населения, предопределила желаемый результат реформ 90-ых, а именно оздоровление и выведение из кризиса экономики страны. Вступившее в силу в 1992 году Постановление РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 55 «О мерах по либерализации цен привело к обесцениванию заработной платы, доходов и сбережений населения, росту безработицы и задержки выплат населению. Немаловажную роль в социально-экономической модернизации России было отведено закону от 26 июля 1993 г., получившему название «О дополнительных мерах по защите права граждан России на участие в приватизации» [4, с. 79-81].

Отрицательное отношение общества вызывали методы осуществления рыночных преобразований, посредством которых предполагалось создать основной субъект рыночных отношений – частных собственников и фундамент демократической политической системы – средний класс. Социальная направленность реформ удовлетворила потребности лишь узкого круга лиц, в то время, как 85 % населения страны оказалось «за чертой бедности», обменивая ваучеры на товары первой необходимости. Итогом стало разделение страны на два полюса социальной стратификации – очень бедные и очень богатые граждане. Трудящиеся, потеряв работу, занялись торговой и посреднической деятельностью, возникла новая социальная группа – спекулянты и фарцовщики, обеспечивавшие себе средства к существованию и определенный достаток, работая на зарубежную экономику западных стран. Для людей, обладавших соответствующими навыками и энергией, открылись новые предпринимательские сферы для самореализации, начался отток трудоспособного населения за рубеж, где виднелись более стабильные возможности для осуществления человеческого общежития. В том числе, социально не адаптировавшийся спектр мыслительной деятельности, интеллигенция того времени, отличающейся высокой степенью социально-психологической рефлексии.

Данные первых социологических исследований ВЦИОМ 1990-х гг. по изучаемой проблематике фиксируют процентное соотношение страт в социуме, в соотношении :

1. Очень богатые, элитарное меньшинство, занимают стратегические позиции на уровне управления – 3 %. Лестница доходов – богатство.
2. Среднеобеспеченные (аристократия рабочего класса – средний слой интеллигенции – «белые воротнички»), занимают тактические и оперативные вехи на уровне управления – 7%. Лестница доходов – зарплата.
3. Бедные (наемные рабочие, прекариат), по уровню внутрипрофессиональной стратификации являются исполнителями – 25%. Лестница доходов – зарплата.
4. Нищие, находящиеся за чертой бедности и утратившие устойчивые социальные связи с находящимися выше слоями (маргиналы, люмпены) – 65%. Лестница доход – подавание.

Изменения в стратификационной структуре российского общества, на долгие годы вперед, заняли стадию пирамидальной конфигурации, в то время как Запад уверенно трансформировался

на рельсы ромбовидной рациональной конструкции [4, с. 78]. Именно с «лихих 90-ых» размываются фиксируемые очертания и совокупность прослойки среднего класса, в эти годы усиливается разрыв между тонким слоем богатых и нищающим большинством общества, а уровень социального неравенства варьируется на отметке 12–13, в то время как в СССР он не превышал и 5 баллов [6].

Оценивая возможности реализации органической модернизации в современном российском обществе, экспертное сообщество предлагает выполнение следующего комплекса мероприятий, располагая их по степени значимости: 1) выработка экономической стабильности (66,7%); 2) формирование идеологической основы государства, которая определила общезначимую цель для общества (49,3%); 3) обеспечение условий для развития малого бизнеса (48%); 4) создание благоприятных условий для развития гражданского общества (42,7%); 5) предоставление социальной помощи и поддержки незащищенным слоям общества (25,3%); 6) повышение МРОТа (24%); 7) принятие ряда профилактических мер для повышении уровня политической культуры в обществе (20%).

Другого мнения придерживается 2,7% опрошенных, предлагая свой вариант ответа и считая, что деньги вкладывать необходимо в науку. Это позволит вернуться к прежней модели образования и квотированного трудоустройства. Таким образом, в рамках модернизационного проекта, целесообразным видится определить консолидирующие социум общезначимые цели, а также учесть социально-экономические, технологические, институциональные факторы, определяющие особые условия протекания процессов каждого этапа модернизации [6].

Операционализируя категорию социальное государство, нами думается, что не существует одного индикатора, по которому можно трактовать то или иное государство как социальное. Отвечая на вопрос: «В чем состоят главные отрицательные перемены за прошедшие 10 лет в РФ?», самыми распространенными воззрениями среди ученых были определены: ухудшение отношений РФ на международной арене с зарубежными странами (41,3%); снижение уровня доходов населения (38,7%); отсутствие «прослойки» среднего класса (37,3%); ухудшение психологического самочувствия граждан (32%). Наиболее актуальными психологическими проблемами среднестатистического российского гражданина, по мнению научного сообщества, можно выделить: трудности, связанные с профессиональной ориентацией, карьерой и профессиональным развитием личности (44%); невозможность самореализоваться и самоактуализироваться в рабочем коллективе (30,7%); психологические проблемы, связанные с жизненным пространством личности – отсутствие жилья, плохие жилищные условия (48%); потеря жизненного ориентира, и последующие глубокие личные переживания, саморефлексия (34,6%). Выстраивая новую государственную модель органического модернизационного развития, необходимо вывести во главу исследования те индикаторы, которые будут важны для изучения проблематики социальной неудовлетворенности современной России, и главных отрицательных перемен последнего десятилетия.

Видится разумным, изучая общественное мнения, и тем самым оценивая социальные настроения населения, рассчитать индекс социального самочувствия. Опираясь на предложенные индикаторы, видится возможным, оценить состояние социально-экономической сферы сегодня, выявить точки рассогласования власти и общества. В связи с этим, считаем правомерным оценивать социальное состояние институциональной системы общества по нижеприведённым показателям [7, с. 31–34] (табл. 1):

Таблица 1 – Показатели оценки социального состояния институциональной системы общества

Table 1 – Indicators for assessing the social status of the institutional system of society

Показатели	Индикаторы
Показатель – уровень и качество жизни населения	средняя заработная плата по стране и по отдельным субъектам; средняя продолжительность жизни, соотношение смертности и рождаемости; прожиточный минимум; продовольственная корзина; ВВП на душу населения; количество благотворительных организаций в стране; разница между доходами 5% самых богатых людей и 5% самых бедных; детская смертность; показатели миграции; потребление продуктов питания на душу населения; структура доходов и расходов населения; индекс потребительских цен; число зарегистрированных преступлений; доля населения с доходом ниже прожиточного минимума.
Показатель – трудовая занятость населения	уровень безработицы; МРОТ; количество пенсионеров, работающих после выхода на пенсию; уровень занятости населения; динамика номинальных и реальных доходов населения; индекс развития человеческого потенциала; номинальная заработная плата

Продолжение табл. 1/Continuation of Table 1

Показатель – социальная защита населения	величина государственных пособий по безработице; минимальные размеры государственных пенсий по старости, по инвалидности, по случаю потери кормильца, за выслугу лет; величина социальных пособий в рамках адресной поддержки малоимущих; государственные пособия семья с детьми; доля ВВП на расходы, связанные с социальными программами
Показатель – жилищно-коммунальное хозяйство	число семей, стоящих на учёте для получения жилья; количество аварийного жилья в стране; предельная доля оплаты жилищно-коммунальных услуг в совокупном доходе семьи
Показатель – доступность образовательных услуг	перечень бесплатных услуг государственных и муниципальных образовательных учреждений; уровень расходов на образование и развитие научной деятельности (из бюджета страны); уровень образования в стране (количество людей с высшим образованием, со средним-профессиональным) [8, с.25].
Показатель – здравоохранение	услуги медицинской помощи, а также услуги санитарного и профилактического характера, в государственных лечебно-профилактических учреждениях, перечень которых устанавливается законом; уровень расходов на здравоохранение (из бюджета страны); число больничных коек на 1000 жителей.
Показатель – развитая культурная среда	перечень бесплатных и общедоступных услуг учреждений культуры и нормы обеспеченности ими населения [8; с. 26]; уровень расходов на культурную сферу (из бюджета страны) [8; с. 26].
Показатель – социальный оптимизм	степень удовлетворенности жизнью; физическое и ментальное здоровье; самооценка материального положения; оценка экономической ситуации; оценка политической обстановки; оценка общего вектора развития страны; финансовая безопасность (экономические детерминанты: дефолт, банкротство, цены на нефть, курс валюты, девальвация социальные условия и окружающая среда

Резюмируя вышеизложенные нами позиции, отметим, в исследовании подтвердилась научная гипотеза о существовании различий в ассоциациях, связанных с 1990-ми гг., а так же в источниках информации об этом периоде между группами респондентов, ставших сознательными свидетелями происходивших событий. Это подтверждает тезис о том, что в исторической памяти россиян в большей степени сохраняются воспоминания о беспорядках, преступности, и неразрешенных социальных катаклизмах переросших, на сегодняшний день, в зрелую стадию фиксируемой социальной напряженности и неудовлетворенности в больших и малых социальных группах. Таким образом, необходимо понимать, что функциональные изменения в одной общественной сфере, неизбежно приведут к смежной трансформации другой [7, с. 31–34]. Сегодня укрепление социальной ответственности современной политической, экономической и духовной элиты, имеет практический интерес во всех интересах гражданского общества, это определит, какое будущее мы заслуживаем. Формирование у правящей элиты чувства социальной ответственности, сознательное волевое осуществление общегосударственных решений, готовность к политическому объединению, следование служебному долгу, а так же сопричастность к государственно-правовому союзу – вот миссия современной правящей элиты [11, с. 17–18].

Список источников

1. Герасимов О. В. Российские модернизации и их репрезентация в историописании и исторической памяти // Вояджер: мир и человек. 2017. № 8. С. 273–281. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28984305> (дата обращения: 05.09.2018)
2. Соколова Г. Н. Модернизация как технологический и социальный феномен: Беларусь – Россия. Электронный ресурс: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_5/Sokolova.pdf.
3. Бабосов Е. М. Социальный статус и социальные роли личности // Социальные личности, стратификации и управления. Минск: Бел.наука, 2006. С. 145–160.
4. Баранов Н. А. Политические отношения и политический процесс в современной России. СПб., 2004. С. 78–82.
5. Беляева Л. А. Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 33–42.

6. Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке / отв. ред. В. Г. Федотова. М.: ИФ РАН, 2002.
7. Лебедева Н. М., Татарко А. Н. Ценности культуры и развития общества. М.: ГУ ВШЭ, 2007. 527 с.
8. Козырева П. М. Социальная адаптация населения России в постсоветский период // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 24–36.

References

1. Gerasimov O. V. Russian modernization and their representation in history and historical memory. *Voyadzher: mir i chelovek = Voyager: peace and man*. 2017;(8):273–281. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28984305> [Accessed 05 Sept 2018] (In Rus.)
2. Sokolova G. N. Modernization as a technological and social phenomenon: Belarus – Russia. Available from: http://www.isras.ru/files/File/Socis/2012_5/Sokolova.pdf. (In Rus.)
3. Babosov E. M. Social status and social roles of the individual. In: *Social personalities, stratification and management*. Minsk: Bel.nauka; 2006:145–160. (In Rus.)
4. Baranov N. A. *Political relations and the political process in modern Russia*. Saint Petersburg; 2004:78-82. (In Rus.)
5. Belyaeva L. A. Level and quality of life. Problems of measurement and interpretation. *Sotsiologicheskie Issledovaniia = Sociological Studies*. 2009;(1):33–42. (In Rus.)
6. Fedotov V. G. (ed.) *Modernization and globalization: images of Russia in the 21st century*. Moscow: IF RAS; 2002. (In Rus.)
7. Lebedeva N. M., Tatarko A. N. *Values of culture and the development of society*. Moscow: HSE GU; 2007. 527 p. (In Rus.)
8. Kozyreva P. M. Social adaptation of the population of Russia in the post-Soviet period. *Sotsiologicheskie Issledovaniia = Sociological Studies*. 2011;(6):24-36. (In Rus.)

Информация об авторах

А. А. Иванова – кандидат политических наук, доцент;
Е. А. Гринченко – студент факультета политологии.

Information about the authors

A. A. Ivanova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor;
E. A. Grinchenko – Student of the Faculty of Political Science.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.07.2021; одобрена после рецензирования 18.07.2021; принята к публикации 20.07.2021.

The article was submitted 01.07.2021; approved after reviewing 18.07.2021; accepted for publication 20.07.2021